Продолжение. Начало в № 5, 7, 8, 10, 11, 12 за 2017 год, в № 1, 2 за 2018 год

Автор посвящает этот роман
памяти Ильяса Эфендиева

Рисунки Марины Медведевой

17

Евнух Абдул Рахман прошептал на ухо Наследника лишь три слова: «Привезли голову Наместника», и эти три слова потрясли Аббаса Мирзу, заставили встряхнутся, пробудиться от замечательного сна этой жизни, что звался Дочерью Рыжего Чабана.

Между небольшой палаткой казначейства и вместительной палаткой Принца было 250–300 саженей, и когда Аббас Мирза в сопровождении личной охраны широкими шагами шел, утопая по щиколотку в хрустящем под ногами снегу, к палатке казначейства, он уже знал, что Гусейнкули-хан отрубил голову генералу Цицианову и приказал доставить ее в Тегеран — Фатали-шаху, а по дороге предъявить и наследному принцу.

Бежавший вприпрыжку, чтобы не отстать от Наследника, евнух, задыхаясь, говорил:

— Ваше величество, с ними прибыл еще и один аксакал. Он тоже просит принять его.

— Кто таков? — спросил Аббас Мирза.

— Его зовут Молла Музаффар.

— Молла, вот пусть и займется своими молитвами! Я же сказал, чтоб там был только бек — племянник Гусейнкули-хана. Какие у Молла там дела?

— На этой стороне Аракса он почитаемый человек.

— Ну и что? — Сузив глаза, Аббас Мирза окинул скопца мгновенным ледяным взглядом: мол, что за настойчивость после того, как я высказал решение?

Как всегда в похожих ситуациях (а евнух Абдул Рахман старался, чтобы их было как можно меньше), скопцу казалось, что глазами наследного принца глядит его родной дядя — Ага Мухаммед-шах Каджар. И холод этого взгляда заставлял скопца содрогнуться, как заставляет человека содрогнуться хлад змеиных глаз даже в самую жаркую погоду.

Принц еще больше ускорил шаг.

Казалось, в степи Харами больше не осталось черных воронов, все они еще утром, подлетев, каркая, окружили шатры, где готовили еду для сарбазов, вероятно, ни один ворон в этих краях прежде не мог поживиться таким количеством выброшенной на пустырь остатков еды. Казалось, именно эти черные вороны, каркая, разнесли по лагерю весть о том, что привезли отрубленную голову русского Наместника. Как бы там ни было, весь лагерь уже знал об этом, и сарбазы, проснувшись, торопливо одеваясь, выходили из шатров.

Когда Аббас Мирза впереди, а за ним, задыхаясь, евнух приблизились к шатру казначейства, пятеро стражников-сарбазов схватились с фыркающим, упирающимся, словно бык, верзилой Лал Гафароглу, но ни-

как справиться с ним не могли. Увидев Принца, сарбазы словно обрели дополнительную силу и наконец поволокли ревущего немого подальше от шатра.

Стало известно, что один из сопровождавших Голову из Баку, а именно Лал Гафароглу, никак не реагировал на предупреждения, рвался в шатер, чтобы лично обеспечить охрану Головы.

Глядя вслед Лал Гафароглу, все еще пытавшемуся вырваться из рук охранников, Аббас Мирза сказал:

— Отвесьте ему тридцать плетей, может, поумнеет! Здесь ему не убогий дворец Гусейнкули!

Когда Аббас Мирза, евнух Абдул Рахман и телохранители вошли в шатер казначейства, комендант лагеря Гурд Керим, отвесив поклон, вытянулся в ожидании, стоявший рядом Махмуд-бек также почтительно поклонился, но, казалось, Принц даже не заметил его.

Голова была поставлена на серебряный поднос на небольшом круглом столе посреди шатра, накрыта зеленым шелковым платком. Аббас Мирза окинул не потеплевшим даже в шатре холодным взглядом Махмуд-бека, вытянувшегося Гурд Керима, затем скопца, кивнул в сторону головы:

— Евнух!..

Абдул Рахман тотчас шагнул вперед, снял с Головы платок, и при свете свечей в шатре казначейства Каджаров в это холодное зимнее утро голова князя Цицианова оказалась лицом к лицу с Аббасом Мирзой.

Один глаз Головы был выпучен, словно готовился вырваться из орбиты, другой, съежившись, уменьшился, и оттого, что шатер был невелик, дыхание заполнивших его людей заставляло колебаться и подрагивать свет свечей в серебряных подсвечниках, и это колебание отражалось также в застывших зрачках Головы, глядевшей на Аббаса Мирзу. Видимо, в результате усилий сальянского врача Салахаддина кровь с еще не искривленной шеи свернулась, как бы приклеив голову к серебряному подносу, отчего та выглядела вызывающе.

В шатре царила тишина.

В это время вдруг Гурд Керим плюнул в лицо головы, евнух Абдул Рахман от этого неожиданного поступка вздрогнул, а тот, сказав на азербайджанском: «Сукин сын!..», горделиво глянул на Аббаса Мирзу.

На тишину, окутавшую шатер, осел страх, и по мере того, как длилась тишина, этот страх стремительно наполнил все существо Гурд Керима, он понял, что против своего желания вызвал гнев Наследника.

По-настоящему огорченный столь явным равнодушием к его персоне со стороны Аббаса Мирзы, Махмуд-бек посмотрел на Принца, на Гурд Керима, затем на густой плевок, стекающий со лба Головы.

Эту наполненную страхом тишину нарушил Аббас Мирза. Шагнув к Гурд Кериму, стоящему рядом, он отвесил ему тяжелую пощечину, сказав на фарси: «Сучье отродье!» Затем добавил на азербайджанском: «Ни на что, кроме как плеваться, не годитесь!»

Горящие при дрожащем свете свечей гневом большие, черные глаза Аббаса Мирзы буквально буравили Гурд Керима, и тому, многие годы служившему своим мечом дяде Аббаса Мирзы — Ага Мухаммед-шаху Каджару, показалось, что он столкнулся не со взглядом Наследника, которого знал с молодых ногтей, а с пронзительным взором кровопийцы Ага Мухаммед-шаха Каджара, вонзившимся в сердце, словно острый кинжал. Взором, от которого можно было содрогнуться даже во сне.

Проявляя доблесть на полях сражений, верой и правдой служа двум правителям — Мухаммед-шаху Каджару и Фатали-шаху, Гурд Керим, столкнувшись с яростью Наследника, почувствовал, что от волнения и напряжения дрожат уголки его губ. Крепко сжав их, он старался, чтобы никто не видел, не почувствовал эту дрожь.

Крепко сведенные губы и дрожь не прошли мимо взгляда Аббаса Мирзы, эту дрожь в свое время улавливали лишь серые глаза Ага Мухаммед-шаха Каджара, и Принц, протянув длинный тонкий палец в сторону Головы, тихо прошептал:

— Сотри!..

В этом шепоте словно была такая магнетическая сила, что не приказ, а именно этот шепот заставил Гурд Керима — этого уродливого верзилу — опуститься на колени и полой своей зеленой шелковой чохи аккуратно вытереть щеки и нос головы.

Аббас Мирза устремил взгляд на Голову, а все еще не осмеливающийся подняться с колен Гурд Керим в наступившей тишине мучительно думал о том, чем завершится эта история с плевком. За свою жизнь он видел на полях сражений столько смертей, столько казней, когда напрочь слетали отрубленные головы, что прежде воспринимал их как обыденность, но с годами этот нескладный здоровенный человек, одно имя которого наводило ужас, стал страшиться собственной смерти. А после того как Фатали-шах прикомандировал его к Наследнику, даже небольшое недовольство Принца, особенно в последнее время, повергало Гурд Керима в трепет и ужас. Он хорошо знал, что можно ожидать всего что угодно как от гнева, так и от милосердия Каджаров, — грань между гневом и прощением очень тонка, хрупка: Гурд Керим не раз бывал свидетелем внезапных страшных решений и приказов правителей, а иногда и сам бывал исполнителем этих страшных решений и приказов.

Аббас Мирза еще не был правителем — только Наследником, но Гурд Керим, чьи руки в крови сотен и сотен людей, яснее ясного чувствовал, что когда Принц вознесется на иранский престол, возложит на голову корону Ирана, он в своем гневе и прощении, пожалуй, оставит позади и отца — Фатали-шаха, и даже своего дядю — Ага Мухаммед-шаха Каджара. И в минуты, когда наступала подобная гнетущая тишина, ему приходило на ум, что кровь в теле Принца холодна, как лед, но одновременно его озадачивала, поражала влага, выступающая в глазах Наследника, когда тот слушал шушинского ханенде — Худаверди Ахсана, поющего «Карабахскую шикесте», или газели на мелодии мугама Говси Тебризи, игру на сазе тебризского Слепого Ашуга Мадата; в подобные минуты слезы на глазах будущего самодержца сообщали лишь о прекрасных поворотах жизни, состоящей от начала до конца из милосердия и всепрощения.

Когда глава провинции Хой Джафаргулу-хан, понадеявшись на русские войска, вступившие на Кавказ, поднялся против Каджаров, Фатали-шах направил против него Аббаса Мирзу, тогда Гурд Керим тоже был рядом с Принцем. Аббас Мирза — этот, по сути, юнец, — заманив в хитрую западню, наголову разбил старого лиса Джафаргулу-хана, и Гурд Керим, человек, вся жизнь которого прошла в военных походах, со всей очевидностью уяснил себе: если Аллах дарует Наследнику занять трон, тот может переплюнуть даже самого Надир-шаха.

Когда Джафаргулу-хан, пытаясь спасти свою жизнь, бежал, Аббас Мирза послал ему вдогонку отряд Гурд Керима; хану не удалось скрыться, Гурд Керим настиг его вблизи Урмии, перестрелял, перебил остатки его людей, а самого, захватив в плен, приволок к Аббасу Мирзе. И когда враг, упав на колени, пытаясь схватить за ногу Аббаса Мирзу, молил о пощаде, Наследник, глянув на Гурд Керима, выражением глаз поблагодарил его, но Гурд Керим не стал обольщаться, он хорошо знал: между благодарностью и гневом правителя непреодолимой границы нет.

Аббас Мирза, отведя взгляд от Головы, глянул на Гурд Керима: то, что его военачальник подобным образом опустился на колени перед Головой, как бы отвешивая Голове поклон, увело Наследника в мир слышанных в детстве от воспитателей и наставников сказок, жадно проглатываемых еще подростком книг; по его губам скользнула и улетучилась ироническая улыбка, и в тот же миг Гурд Керим понял, что опасность миновала, так как холод в глазах Наследника исчез, прищуренные черные глаза стали задумчивы и озабочены.

По знаку руки Наследника Гурд Керим медленно поднялся с колен, и Аббас Мирза, глядя на него в упор, сказал:

— Иди собери своих людей, подготовься. — Затем, указав пальцем на Голову, добавил: — Ее в Тегеран отвезешь ты!

— Слушаюсь, — выпалил Гурд Керим, ощутив явную, нескрываемую гордость от того, что ему поручено столь ответственное задание.

— Ответишь головой! Собственной, — добавил Аббас Мирза.

— Его высочество может быть уверено! — сказал Гурд Керим, и тон его голоса подтверждал эту убежденность.

Затем Принц обернулся к евнуху:

— Ты станешь сопровождать их!

Как правило, всегда говоривший на азербайджанском, видимо, осознав важность, напряженность момента, скопец ответил на фарси:

— Бе чешим!.. Бе чешим!..[1]

Затем Аббас Мирза внимательно и с некоторой долей интереса глянул на Махмуд-бека: Наследник уже имел информацию об этом человеке, знал, что этот бек — истинный виновник столь незавидной судьбы Наместника Цицианова.

— А ты, — сказал Принц, — можешь возвращаться в Баку.

Не скрывающий своего огорчения и даже не желающий скрывать, Махмуд-бек сказал:

— Ваше высочество, мне поручено лично отвезти Голову шаху.

Аббас Мирза, продолжая глядеть на Голову, бросил:

— Здесь поручения отдаю я!

— Я должен лично вручить письмо Гусейнкули-хана шаху, — уже чуть запальчиво повторил Махмуд-бек.

Кивком головы Аббас Мирза указал на скопца — евнуха Абдул Рахмана:

— Передай письмо ему.

— Я должен увидеть шаха, — с еще большей настойчивостью произнес Махмуд-бек. — У меня есть что ему сказать.

— Ты уже сказал все, что мог. — Аббас Мирза указал пальцем на Голову. Затем кивнул Гурд Кериму: — Вы оба можете идти.

Гурд Керим поклонился, пятясь, вышел из шатра.

Махмуд-бек не двинулся с места.

— Ваше высочество, в таком случае хотя бы выслушайте меня, прошу вас! — Но в его обращении было больше гневной требовательности, нежели просьбы.

Глядя на этого прибывшего из Баку молодого человека, Абдул Рахман подумал, что, несмотря на пригожесть и дерзость, в эти минуты бек напоминает волка, у которого увели из-под носа, отняли добычу и который теперь остался в растерянности и не знает, что предпринять.

Аббас Мирза глянул на своих телохранителей, и они придвинулись к Махмуд-беку, намереваясь вывести его из шатра. Махмуд-бек попытался отстраниться от охраны, чтобы сказать хотя бы несколько слов.

— Ваше высочество, и я, и вы — тюрки! — почти прокричал он. — Вы должны выслушать меня. Выслушайте меня! Мы должны протянуть друг другу руки! Объединившись с Османским султанатом, мы должны создать большое тюркское государство! Все тюрки на земле должны объединиться, иначе и у Османов, и у вас будет незавидный конец! Мы все погибнем! За нами никого, кроме нас самих, нет! В одиночку вы не справитесь с русской армией!

Наследник, прищурив глаза, внимательно слушал Махмуд-бека, а охрана не знала, что предпринять: схватить приезжего и вывести из шатра или оставить, пока Принц выслушает этого молодого человека до конца.

Но страстный монолог Махмуд-бека длился недолго. Аббас Мирза с явной насмешкой улыбнулся и с холодной, не оставляющей места надежде властностью произнес:

— Выбросьте его вон!

От огорчения щеки Махмуд-бека раскраснелись, он пытался еще что-то сказать, но, перехватив холодное выражение глаз Принца, уверился, что смысла что-то говорить, протестовать — нет, оказав сопротивление, он может только быть выброшенным с позором наружу. Подавив свою злость и упрямство, бек вышел из шатра.

Обернувшись, Аббас Мирза сказал скопцу:

— Ты тоже можешь идти. — И когда евнух, обеспокоенно глядя на Голову, будто опасаясь, что и она может нанести вред Наследнику, выходил из шатра, Принц добавил: — Ты там присмотри, чтоб этого бека не обижали. И его, и его людей, и того, как ты говорил, Молла, что ли, отпустите, пусть убираются восвояси. Только пускай обязательно возвращаются в свои бакинские трущобы, а если надумают перебраться на ту сторону Аракса, — остановить.

Евнух Абдул Рахман был настолько близок к шаху и Наследнику, столь часто общался с ними, что порой забывал отвешивать им в соответствии с церемонией поклоны. И все — и шах, и наследник престола, даже свита — не обращали на это внимания, но непосредственное лицезрение Головы создало такую напряженность, что скопец на сей раз вышел из шатра, тоже пятясь и непроизвольно, не по протоколу, отвешивая бесчисленные поклоны.

Принц подал знак телохранителям, и они покинули шатер.

---

[1] Повинуюсь.

Аббас Мирза остался один на один с Головой.

Голова видного полководца великой Российской империи словно свидетельствовала об убожестве вынужденной жизни в атмосфере ведущихся месяцами, годами сражений, бессонных ночей, жажды власти, битв за землю, необходимости неделями, даже месяцами проживать в разбитых в голой степи палатках, в ущельях, на холмах. Даже та лучезарная картина, что веровала перед ним, когда он, засыпая, представлял себя на отцовском троне, сейчас для Принца, стоявшего лицом к лицу с Головой, показалось самой никчемной иллюзией жизни. А что станет потом? Рано или поздно умрешь, исчезнешь и ты. Ничего от тебя не останется. Что останется? Государство? Со времени зарождения Земли на свете было образовано столько государств, но все они ушли в небытие... Тот бек — бакинец, что только что вышел из шатра, грезит об объединении всех тюрок, создании великого тюркского государства. Недалекий человек! Урод, мечтающий о тюркском единстве! Разве ты не видишь, что творят по отношению друг к другу эти карликовые азербайджанские ханства? Такой полководец, как Ага Мухаммед-шах Каджар, стремился объединить все азербайджанские ханства, а чем все кончилось? Кто организовал его убийство в Шуше? В своем невежественном, больном воображении ты выстраиваешь великое тюркское государство! Твой тюркизм такой же изъян, как волокитство, пьянство, разведение голубей, дурак и сын дурака!

Пока Аббас Мирза стоял лицом к лицу с Головой, внутри шатра возникла духота, а запах горящих свечей привнес в эту духоту дополнительную спертость.

И вдруг Наследник вспомнил своего второго дядю по отцу — Муртазагулу-хана.

Муртазагулу-хан, мечтая о троне, ввязался в борьбу со своим же братом — Ага Мухаммед-шахом, поначалу примкнул к персам из Занда, затем вступил в союз с русскими гяурами, потерпев в конце концов поражение, бежал в Петербург, проживал там, на чужбине, пока семь-восемь лет назад его не призвал к себе Аллах.

Аббас Мирза при жизни не видел Муртазагулу-хана, не знал, что это за человек, но он тягался с таким братом, как Ага Мухаммед-шах Каджар, тот был любимым дядей Аббаса Мирзы, он им гордился и хотел во всем ему подражать.

Племянник Надир-шаха, Али Адиль-шах, взойдя на престол и желая застраховаться от будущих претендентов, приказал оскопить шестилетнего Ага Мухаммеда: какой-то скопец не сможет стать шахом! — но Ага Мухаммед Каджар не был «каким-то», за десять лет до того, как Наполеон во Франции сам воздрузил на свою голову корону, Ага Мухаммед-шах благодаря уму и мечу тоже водрузил венец на собственную макушку.

Власть Адиль-шаха длилась недолго — всего год, Аллах сам покарал его за изуверство над шестилетним ребенком: сверг с престола его собственный брат — Ибрагим, сначала приказал выколоть ему глаза, затем казнил в Мешхеде. Ага Мухаммед-шах положил начало династии Каджаров, объявил племянника — Баба-хана своим наследником, а Аббаса Мирзу, несмотря на детские годы, продолжателем рода. Все так, но вопрос не в этом, трудно отыскать в истории сына или брата правителя, не примеривающего в мечтах на себя шахскую корону. Глупый бакинский бек! Братья от одного и того же отца ведут смертельную схватку за власть, выкалывают друг другу глаза, казнят, а этот дуралей грезит об объединении всех тюрок на свете. Ты продолжай мечтать, только подумай, что на это скажет свет. Тюрки никогда не объединятся, ибо с зарождением Вселенной родилась и жажда власти, и эта страсть всегда на первом месте у всех тюркских правителей.

Голова, один глаз которой готов был выскочить из глазницы, а другой, съежившись, выглядел поменьше, поставленная на серебряный поднос, глядела все так же вызывающе на Аббаса Мирзу. В эти мгновения, пребывая в духоте и спертости от запаха свечей в шатре, он хорошо знал, что совсем скоро отправит Голову в Тегеран, затем наступит рассвет, все эти мысли рассеются, уйдут, снова продолжится противоборство, война с Россией за Южный Кавказ...

...Именно в это время пятеро охранников, выполняя приказ Наследника, на холоде рассветного зимнего утра пытались раздеть Лал Гафароглу: проснувшиеся и высыпавшие из шатров наружу сарбазы, окружив их, хотели насладиться зрелищем того, как станут сечь этого прибывшего из Баку верзилу, что сопротивлялся, не давался в руки охране. Фыркая, мыча, он расталкивал наседавших, брыкался, кусался, сарбазы поддевали, надсмехались над охранниками, что впятером не могли совладать с одним человеком.

Для Лал Гафароглу на свете существовали лишь две святыни — Аллах на небе и Гусейнкули-хан на земле, и не было случая, чтобы он не выполнил распоряжения последнего. Он не мог говорить, и в те минуты, когда сарбазы громко потешались над ним и охранниками, Лал Гафароглу было все равно, что они говорят и над чем смеются. Он к тому же словно еще и оглох, ничего не слышал, так как все существо этого верного, как пес, человека было потрясено — хан поручил ему день и ночь охранять Голову, а он не способен выполнить поручение.

Охранникам наконец удалось раздеть Лал Гафароглу. Оголив его задницу, согнули гиганта вдвое, и

четверо из них — каждый со своей стороны — крепко схватили его за руки и ноги, а пятый, взяв плеть, прошел вперед.

Выкрики окруживших их сарбазов оглашали всю равнину Хаарами, так, будто зеваки были кровниками этого человека, которого видели впервые и с особым наслаждением мстили ему за смерть самых близких людей:

— Ну, бей наконец!..

— Бей этого сукина сына!..

— Бей, чтобы он ревел, как осел!..

— Бей так, чтоб заговорил!..

— Бей так, чтоб обоссался!..

— Бей, чтобы околел!..

И в это время произошло то, что до конца жизни не сотрется из памяти сарбазов, которые останутся живы после многомесячных, даже многолетних боев с русской армией: Лал Гафароглу, собравшись с силами и издав страшный рев, раскидал державших его, вырвал из ножен кинжал на поясе нависшего над ним с плетью охранника, всадил кинжал по рукоятку в самое его сердце, затем, схватившись обеими руками, вонзил кинжал уже в свой живот. Кровь со свистом била из живота, словно из переполненного бурдюка, Лал Гафароглу стал медленно сползать на колени, затем приник бритой наголо головой с жировыми складками на шее к земле. Застывшие, надолго замолчавшие сарбазы, не сразу придя в себя, волоком потащили труп немого к мусорной свалке лагеря и бросили его там. И никто не узнал, предали ли останки Лал Гафароглу земле или он стал пищей птиц и животных.

* * *

...В том видимом измерении граф Николай Иванович Тимофеев-Богоявленский — Николай — полулежал, откинувшись спиной на подушки в кровати.

В смежной к спальне комнате, сидя за столиком, графиня Ольга Михайловна перебирала свежую почту.

Сквозь приоткрытую дверь граф покрикивал на супругу:

— Ты хочешь завладеть всем, что я имею!.. А затем снова выскочить замуж! За молодого, здорового мужчину!.. Знающего свое дело мужчину!.. Но твои мечты не исполнятся!.. Я не умру!.. Ты сгинешь раньше меня!..

Казалось, Ольга Михайловна не слышала этих слов — граф просто сотрясал воздух, — взяв одно из писем, она прошла в спальню:

— Успокойся, Коля!.. Я знаю, что внутри тебя обитает Кащей, ты никогда не умрешь!.. Пришло письмо от князя Цицианова, прочтешь?

С той же злостью и ненавистью граф Тимофеев-Богоявленский выкрикнул:

— Нет!.. Я не хочу ни читать, ни слушать его длиннющие, выматывающие человека письма!.. Дон Кихот Цицианов!.. Для него на свете две святыни — Бог на небесах и Александр на земле! Видали мы твоего Александра! Александр!.. Он хотел перехватить, отнять славу Наполеона, обратить ее в нимб вокруг своей головы, а что получилось?! Снюхался с Францем, потерпел поражение, опозорившее всех нас! А затем, вместе с тем же Францем, бежал, как заяц, с поля боя!.. — Граф повысил голос: — Аустерлиц — черное пятно на истории России!..

— Не кричи! — урезонивала Ольга Михайловна.

— Ага, боишься? Не за меня опасаешься! — еще громче крикнул граф. — За себя боишься, услышат, внесут меня в черный список Александра, а ты лишишься всего!

— Ладно, — примирительно сказала Ольга Михайловна, — кричи что вздумается! С утра ворчишь, как старая баба! — И, держа в руке письмо, добавила: — А что делать с этим?

— Делай что хочешь! — сказал граф. — Прочти сама, решишь, как всегда, ответить за меня — отвечай, не захочешь — не пиши!.. Плевать мне и на Кавказ, и на эти письма, и на подобную жизнь!..

18

Одержанная наконец-то победа русской армии над Джар-Белоканским султанатом в марте 1803 года превратилась в истинный праздник.

Когда Ага Мухаммед-шах Каджар во время первого похода на Карабах, после долгой и безрезультатной осады Шуши, потерпел фиаско, Ираклий II, воспользовавшись удобным моментом, предпринял набег на Гянджу. Правда, из этого ничего не получилось — Джавад-хан отразил атаку. Шах, сняв осаду Шушинской крепости, повернул войска на Кахетию. Ираклий II бежал, скрылся в горах. Ага Мухаммед не оставил камня на камне в Тифлисе; тысячи жителей города взяты в плен — мужчин продавали в рабство, девушек — в наложницы. Через какое-то время Ага Мухаммед-шах вновь двинул войска на Карабах — словно рок подталкивал его к этому походу, — наконец захватил Шушинскую крепость, на сей раз уже Ибрагим Халил-хан бежал на север Азербайджана, в сторону Джар-Белокан, но в первую же ночь в той самой захваченной Шушинской крепости Ага Мухаммед-шах был умерщвлен собственной охраной.

Ираклий II снова вернулся назад, но в это время отряды джамаата Джар-Белокана стали часто совершать набеги на села, населенные пункты Кахетии. И после прихода русских войск хорошо обученная, метко стреляющая, мастерски владеющая мечом конница

Джар-Белоканского джамаата продолжала часто совершать набеги на установленные вокруг Тифлиса посты. Эти внезапные и жестокие набеги дорого стоили русской армии — много потерь в живой силе, случалось, угоняли коней, даже целые табуны, захватывали военное снаряжение и оружие, но главное — эти набеги наносили урон престижу русской армии. Генерал фон Кнорринг вел переговоры с Джар-Белоканским джамаатом, даже отправлял им подарки, но все его старания не приносили результатов. Князь Цицианов, конечно же, не мог мириться с подобным положением: Россия присоединила Грузию, разделенная на мелкие царства и княжества, та уже не являлась грузинской землей, эта была вотчина великой Российской империи.

Князь Цицианов, прибегнув к патриотической риторике, усиливал в грузинском населении чувство мести, затем направил для усмирения Джар-Белокана корпус под командованием генерал-майора Гулякова, придав ему добровольческие отряды грузин — конницу и пехоту.

Князь обсудил на карте с генералом Гуляковым все моменты будущей операции, поручив особо присматривать за отрядами грузин, во-первых, чтобы они не бежали с поля боя, во-вторых, чтобы после одержанной победы месть грузин не обернулась повсеместными грабежами и жестоким обращением с местным населением. Но князь не ограничился этим: ослепленные чувством мести, грузины могли нанести урон авторитету русской армии, поэтому он вызвал к себе начальника армейской канцелярии полковника Броневского и продиктовал ему текст приказа. Манифест предупреждал созданный корпус, а по существу, грузинские части, что тех, кто посмеет заниматься грабежами, поджигать дома и усадьбы мирных жителей, ждет суровая, вплоть до расстрела, кара. Полковник, как правило, составлял манифесты, выслушав мысли командующего, а князь только подправлял их, но самые важные реляции, в том числе письма и донесения Его Величеству императору, писал сам.

Текст манифеста был зачитан всем участникам будущей операции.

Корпус Гулякова, хоть и с большими сложностями, одержал победу, но грузинские отряды сразу же приступили к страшному разбою и грабежам. Генерал Гуляков оказался неспособен выполнить приказ главнокомандующего не допускать грабежей. В свое время банды Джар-Белоканского джамаата, спускавшиеся со склонов Кавказа горцы, совершая набеги, обирали и без того живущих в бедности грузин — уносили все, что попадало под руку: мешки с зерном, лошадей и овец, даже домашнюю птицу, простреливали, разбивали саблями глиняные сосуды с вином, выливали содержимое на землю. Теперь же мобилизованные грузинские солдаты — часто дети тех самых семей, — желая и отомстить, и награбить как можно больше, занялись кровавым разбоем.

Глава небольшого, в двенадцать человек отряда всадников грузин — Вахтанг Потцихашвили превратился в главного героя кровавой вакханалии; среди грузинских бойцов укрепилось убеждение, что генерал Гуляков не в силах применить какую-либо кару к этому молодому грузину, прославившемуся особой беспощадностью и чувством мести. Вахтанг Потцихашвили и вдохновленные его примером подельники, начисто забыв про обнародованный манифест главнокомандующего, не обращая внимания на увещевания Гулякова, ослепленные чувством мести, рубили саблями и расстреливали всякого, кто попадался им на пути. Руки Вахтанга по локоть в крови местного населения — мужчин, женщин, детей, но этот человек, казалось, никак не мог остановиться. Тому была и причина: когда-то джар-белоканцы вынесли из его родительского дома все, что могли, сразили пулей в сердце отца, вышедшего с вилами в руках остановить их, умыкнули сестру Кетован, много позже до Вахтанга дошли слухи, что ее выдали замуж за какого-то шестидесятилетнего белоканского бека, заставив принять ислам.

И Вахтанг после поражения джар-белоканцев и впрямь не мог успокоиться.

...В связи с завершением Джар-Белоканской операции князь Цицианов проводил в своей резиденции в Тифлисе заседание Военного совета; вопреки ожиданию офицеров он был явно раздражен.

— Эта очень важная победа! — произнес он и после небольшой паузы продолжил: — Но, к сожалению, я не могу поздравить от всего сердца наши войска с этой важной победой! — И, приблизившись к генералу Гулякову, пригвоздил: — Вы, генерал, покрыли там позором славную русскую армию! Я приказывал вам контролировать отряды грузин!

Долговязый Василий Семенович Гуляков — генерал, известный не только в кавказской армии, вытянулся, словно став еще выше ростом, и, глядя сверху вниз на коренастого Цицианова, ответил:

— Я был не в состоянии выполнить приказ, князь!

В армии, особенно при таких официальных собраниях, не принято обращаться по титулу — «князь», и то, что, признаваясь в своей беспомощности справиться с грузинскими солдатами, Гуляков обратился к главнокомандующему именно так, свидетельствовало о внутреннем потрясении, которое генерал переживал в эти минуты.

Князь Цицианов глянув снизу вверх на Гулякова, ничего больше не добавил, генерал и без того был потря-

сен. Главнокомандующему не хотелось особенно унижать его в присутствии генералитета; чуть отойдя, он спросил своего адъютанта фон Грендфальда:

— Где тот главарь отряда?

Полковник крикнул стоящим в конце просторной залы поручениам:

— Введите арестованного!

Князь Цицианов был в курсе всех художеств Вахтанга Потцихашвили во время Джар-Белоканской кампании и заранее принял решение расстрелять его. Нисколько не колебавшемуся, когда речь шла о неповиновении Российской империи, о кавказцах, поднимавших руку на Российскую империю, князю Цицианову, предпочитающему говорить только языком оружия, решение далось непросто: он приговаривал к смерти человека, который сражался — причем доблестно — с врагами Российской империи. Ты воюешь с ними в рядах российских войск, но это не означает, что, вступая в села и хутора, можешь предавать мечу каждого, кто встретится на пути, не разбирая, кто перед тобой — женщина или ребенок; врываясь в жилища, убивать домашний скот, поджигать дома простых крестьян, заниматься грабежом — если каждый начнет мародерствовать — какие-такие трофеи достанутся в таком случае армии? — ты оскорбляешь русских офицеров, ни во что не ставишь приказы непосредственного командира, русского генерала, наконец, не выполняешь требования моего манифеста. Этот грузин не был солдатом, военнообязанным, он был добровольцем, и генерал Гуляков, видимо, опасаясь, что могут взбунтоваться другие грузинские добровольцы, не решился расстрелять его там же, на месте. Но он, князь Цицианов, казнит этого негодяя: пусть все грузинские добровольцы убедятся, что значит не подчиняться приказу главнокомандующего.

Двое младших офицеров ввели в зал Вахтанга Потцихашвили. Руки его были связаны за спиной. Цицианов прошел вперед, остановился перед арестованным.

Не подчиняющийся приказам, явно своенравный молодой грузин стоял перед князем, совсем не тушуясь, откровенно вызывающе и заносчиво.

Глаза князя сверкали яростью.

— Он хоть владеет русским? — спросил Цицианов фон Грендфальда.

— Да, ваше сиятельство! — вытянулся в струну адъютант.

Затем Цицианов, глядя прямо в глаза юноши, сказал:

— Ты не повиновался моему манифесту! Ты многократно нарушал приказы командования! Ты запятнал

позором славную русскую армию! Тебя следует расстрелять! Серебряков!

Подполковник Серебряков был в армии человеком известным, все, в том числе Вахтанг, хорошо знали, что если главнокомандующий вызывает подполковника — офицера, выполняющего особые поручения, — это конец, и все, в том числе Вахтанг, также знали, что решение главнокомандующего не имеет обратной силы.

В наступившей тишине чеканные шаги Серебрякова и сопровождающих его младших офицеров словно ставили печать на безысходной судьбе Вахтанга Потцихашвили.

— Какой же ты грузин, если из-за мусульманских разбойников расстреливаешь грузина?

Вахтанг произнес это по-русски с гортанным грузинским акцентом, обращаясь к князю на «ты», глядя с откровенным презрением прямо ему в глаза.

И внезапно произошло совершенно ужасное: арестованный плюнул в лицо Цицианову!

Все застыли, замерли на своих местах.

Быть может, впервые в жизни всегда расторопный полковник фон Грендфальд, чье сердце, казалось, было готово выскочить из груди, глядя на струйку слюны, стекавшую по щеке князя, в панике не знал, что предпринять: то ли броситься на Вахтанга Потцихашвили, то ли, вытащив платок, вытереть лицо главнокомандующему.

Князь Цицианов же был совершенно спокоен, и в этой напряженной тишине по его губам скользнула саркастическая улыбка, и из-за того, что главнокомандующий находился в центре внимания, эту мгновенную улыбку приметили все устремившие на него взгляды военачальники. На деле князь Цицианов по характеру был таким же взрывным, как стоящий перед ним юноша-грузин, но в тот момент, когда по его губам пробежала саркастическая улыбка, в то мгновение, когда юноша-грузин плюнул ему в лицо, его авторитет, высокий чин и положение словно превратились в нечто бессмысленное, не имеющее значения, и Вахтанг Потцихашвили, чье тело сотрясалось от ненависти — от горькой, не имеющей выхода ненависти, тоже уловил ту саркастическую улыбку, и внутри него образовалась некая пустота, и он сам ощутил себя жалким и никчемным, мелким, словно муравей, существом.

Князь Цицианов вынул из кармана платок, аккуратно вытер лицо и только после этого ровным голосом произнес:

— В рамках данных мне полномочий приказываю! Многократно нарушившего приказ, занимавшегося кровавым разбоем, — тут главнокомандующий, опасаясь, что не сможет в точности воспроизвести фамилию «Потцихашвили», чуть запнулся, выдержал паузу, добавил: — этого человека расстрелять! — Затем перевел взгляд на Серебрякова: — Выполняйте приказ!

Вахтанга Потцихашвили увели.

Князь Цицианов, аккуратно свернув платок, положил его в карман, глядя вслед Серебрякову и сопровождающим, дождавшись, чтоб их шаги отдалились, сказал:

— Господа офицеры, весьма сожалею, но я не вправе скрыть от Его Величества императора эти эпизоды гнусного разбоя, запятнавшие нашу важную и яркую победу!

...Отдавший всю свою сознательную жизнь военной службе, благодаря личной доблести и умению прошедший все этапы карьеры и достигший звания генерал-майора Василий Семенович Гуляков никогда прежде не испытывал такого чувства стыда и позора. Победа была начисто забыта, из-за его слабости, нерешительности плюнули в лицо главнокомандующему. Этот русский человек, лишенный всяческой лжи и хитринки, до конца дней своих не забудет сие происшествие. Ровно через девять месяцев, во время гянджинской кампании, в январе 1804 года, князь Цицианов получил информацию, что понемногу приходящие в себя джарцы вновь зашевелились; хорошо сознающий, к чему это может привести, главнокомандующий направил в Джары экспедицию под командованием все того же Гулякова, где тот и погиб.

...После заседания Военного совета, проведенного в связи с победой над джамаатом Джар-Белокан, той же ночью князь, сидя в своем рабочем кабинете, при свете светильника, заправленного нефтью, написал рапорт императору Александру, поздравив его с победой над Джар-Белоканским джамаатом, и, конечно же, информировал о вандализме, который творили грузины.

Через какое-то время пришло ответное письмо. Император писал: «Я надеюсь, что в будущем грузинские солдаты при нанесении поражения врагам откажутся от зверств, которые они чинили при захвате Белокан, и научатся у русских, своих новых сограждан, милосердию».

Князь Цицианов, прочтя эти строки, обхватил руками голову, затем, откинувшись на спинку мягкого кресла и глядя в потолок, прошептал:

— Кавказ и милосердие... — и, с явно прочитывающимися горечью и болью на лице, улыбнулся.

...Князь Цицианов в своем очередном верноподданническом рапорте писал: «Знакомясь с бытом и характером грузинского народа, опираясь на свои наблюдения, я вижу, что просветительским управленчеством достичь ничего в Грузии невозможно. Природа определила для азиатских народов автократический метод руководства, и это поставило свою несмываемую печать и

на Грузии. Российский умеренный стиль управления они воспринимают за слабость, различными хитростями и маневрами, избегая исполнения закона, манкируют, бравируют ненаказуемостью своих деяний».

19

Евнух Абдул Рахман который раз перечитывал от начала до конца «Лейли и Меджнун» Шейха Низами на фарси и «Лейли и Меджнун» Мухаммеда Физули на азербайджанском, но никак не мог ощутить, понять любовь, страсть, приведшие к гибели юных героев — Лейли и Меджнуна. Будучи человеком острого ума, он сознавал, что эта любовь, страсть — нечто иное, нежели любовь человека к Всевышнему, матери к своему дитя или сестры к брату, но что это за «иное», евнух Абдул Рахман осмыслить никак не мог.

Видя, с каким вожделением, с каким внутренним горением глядят молодые слуги на девушек, принимающих различные позы во время утренних уборок во дворце, Абдул Рахман не мог понять природы этого горения, вожделения и восхищения. Проводя по ночам в покои шаха или принцев сотни подобных девушек, он, конечно, понимал, что юноши жаждут этих девушек; ясное дело, речь идет не только о продолжении рода, но что именно они ощущают, ложась в общую постель, евнух представить не мог. Эти юноши страстно желают девушек как изнывающие от жажды глотка воды, но отчего? В чем тайна? Скопец иногда слышал женские стоны, доносящиеся из шахской опочивальни или из шатра Принца, сопровождая его во время военных походов, но истоков подобных стонов тоже понять никак не мог.

Скопец не помнил своего детства, не знал, кто он, из какой страны, какой национальности. Одно только помнил: он сидит напротив белой-белой стены, и женщина в белом платке кормит его чем-то сладким, напоминающем хлеб, но никак не мог вспомнить, хоть и старался, лица той женщины, только помнил кипенно-белый платок и в такие мгновения ощущал во рту вкус чего-то сладкого, напоминающего хлеб. Сознание подсказывало скопцу, что та женщина в белом платке — его мать. Иногда по ночам, особенно в последнее время, насилуя голову, он пытался вспомнить лицо женщины, но вспомнить никак не мог, и это усиливало в неведомой ему самому степени ненависть ко всему свету, копившуюся в душе, и эта потаенная ненависть раздражала и ущемляла его.

И еще помнил, как его оскопляли. Лиц людей, творивших это зло, он не помнил, в памяти остались лишь выстроенные в ряд для оскопления, словно жертвенные бараны, мальчики и еще боль той операции — с тех пор скопец больше всего на свете страшился боли.

Несомненно, Абдул Рахман верен своим господам — Фатали-шаху и Принцу, но за этой верностью, по существу, стоял страх ощутить ту же боль, что и при оскоплении. За свою жизнь он был свидетелем стольких казней, пыток, истязаний, и когда он глядел на эти казни, пытки и истязания — кого-то вешали, кого-то прижигали огнем, кому-то выкалывали глаза, отрезали язык, руки, — по телу скопца пробегала теплая и приятная волна; животный крик, исходящий из самого нутра человека, подвергавшегося пыткам, истязаниям, придавал этой волне еще большую силу и тепло; видимо, в этих его чувствах содержалось своеобразное умиротворение, благость: пыткам и боли подвергался не он, скопец, а кто-то другой.

Процедура оскопления вывезенных для дворца из Аравии, Эфиопии, с Балкан, Кавказа или купленных на невольнических рынках мальчишек также проходила под наблюдением евнуха Абдул Рахмана. Во время этих операций щекочущая волна окатывала еще теплей, так что он даже дрожал и покрывался потом, задыхаясь от сладкого волнения. К волнению примешивалось и своеобразное чувство мести, будто, слыша крики подвергающихся оскоплению детей, евнух мстил какой-то неведомой силе, но это было очень сложное, необъяснимое для него самого ощущение.

В последнее время, узнав, что кого-то будут казнить через повешение, Абдул Рахман, оставив незавершенными дела, спешил к месту казни, и когда несчастный, повиснув на перекладине, трепыхался в агонии и еще с хрустом ломались его шейные позвонки, то приятное волнение обдавало его даже большим, чем прежде, теплом, и его похожие на кошачьи зелено-желтые глаза загорались дьявольским огнем. В такие минуты скопец чувствовал, что приятное волнение, которое он ощущал, глядя на муки других, должно завершиться каким-то еще более волнующим ощущением, но оно никак не приходило.

Порой мысли уносили скопца в какие-то дали, и, думая о превратностях, злоключениях этого света, он приходил к выводу, что применяемые одними в отношении других пытки, истязания, казни — такое же естественное, обыденное дело, как утоление жажды или голода. Без всего этого невозможно: есть человек, должны быть казни и пытки — так создал этот мир Всемогущий. Но отчего он создал его таким, это Божья тайна, и она, эта тайна, откроется лишь в Божьем царстве.

Евнух Абдул Рахман хорошо знал, что он не таков, как все, что он увечный: у одного нет руки или ноги, другой слеп, третий нем, а он — скопец. И счастье его в том, что если слепой знал, что лишен зрения, немой — речи,

безногий — способности ходить, и оттого они страдали, то он, евнух Абдул Рахман, не ведал, чего лишен. Женщины, купающиеся в чем мать родила на его глазах в гареме, подобны ежедневно виденным предметам, эти голые женщины не вызывали у него никаких иных чувств, не доставляли никакого наслаждения. А что такое иные чувства, наслаждения, он не знал и оттого не очень сетовал на жизнь — досыта ел и пил, во дворце считались с ним, а наложницы боялись его, как собака палки, он пользовался особым расположением его величества шаха и наследника. Разве этого мало в дни, когда мир обращен в кровавый котел?

Но порой, непроизвольно, особенно в последнее время, что-то говорило ему, что быть скопцом — самое большое несчастье на свете. Ведь цветы рассыпают семена, птицы несут яйца, даже собаки рожают щенков, значит, и человек должен зачать ребенка. Но что делать, на земле у каждого своя судьба, и если глянуть в суть, на этом свете все мало чем отличаются друг от друга. Рано или поздно все умрут, ни от кого не останется ни следа, ни пылинки — ни от скопца или других, по существу тоже скопцов, хоть и меняющих за ночь пятерку наложниц. Какая разница через сто лет будет между этим молодым, красивым, сильным и могущественным Принцем и евнухом Абдул Рахманом? Кости обоих смешаются с землей, правда, может, имя Принца останется в истории, но какое это имеет значение для нынешнего, живого и здорового Аббаса Мирзы?

* * *

...Дул ветер, и беснующаяся Кура с шумом несла свои бело-желтые пенные воды. Вахтанг Потцихашвили с перевязанными за спиной руками стоял спиной к реке, устремив горящие гневом глаза на нацеливших на него ружья солдат.

Стоящий чуть поодаль подполковник Серебряков поднял руку, и в это время Вахтанг Потцихашвили что было силы крикнул:

— Эй, Цицианов, плевать я хотел на такого, как ты, грузина!

И в тот же миг подполковник Серебряков опустил руку, отдал приказ: «Огонь!»

Точные выстрелы солдат изрешетили грудь Вахтанга Потцихашвили, его белая рубашка обагрилась кровью.

Вахтанг Потцихашвили хотел еще что-то крикнуть, но не успел, опрокинулся в реку.

И те бело-желтые пенные воды тотчас накрыли, втянули его в свою воронку.

Подполковник Серебряков подошел совсем близко к берегу реки и, глядя на еще больше вспенившиеся воды, процедил сквозь зубы: «Иди, сволочь! Иди, соединись со своей Курой!»

Продолжение следует.